

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наблюдение за новостями из мира международной политики в последние годы может вызвать у зрителя впечатление, что Соединенные Штаты Америки объявили новую «холодную войну» буквально всему миру. Автор этой книги — один из ястребов американского республиканского истеблишмента Джон Роберт Болтон II, на протяжении примерно полутора лет занимавший пост помощника президента США Дональда Трампа по национальной безопасности — в своих мемуарах откровенно и не скупясь на краски описывает эту войну так, как она виделась из вашигтонского центра принятия решений.

Конечно, главными врагами Америки назначены Россия и Китай. Немалое внимание уделено и региональным державам, отказавшимся покориться заокеанскому диктату — таким как КНДР, Иран и Сирия.

Однако красной нитью через повествование проходит еще одна тема: борьба Америки против... самой же Америки. Борьба Америки — мирового жандарма и гегемона над миром, за которую отчаянно ратует автор, против Америки — просто богатой и успешной страны, желающей лишь хранить и преумножать свое богатство, не ущемляя при этом интересов других стран. Америки Дональда Трампа.

При взгляде со стороны, критика Трампа в американских СМИ кажется отражением борьбы демократической и республиканской партий. Однако Болтон — республиканец, как и Трамп. По книге очень хорошо видно, что его ни в малейшей степени не волнуют обвинения Трампа в расизме, сексизме, недостаточном почтении к сексуальным меньшинствам и тому подобных смертных грехах современного западного общества. Автор и сам примерно такой же. Важно то, что здесь сталкиваются взгляд через призму геополитических интересов (в принципе отсутствующих в

картине мира бизнесмена Трампа) и взгляд через призму интересов экономических (так же чуждых империалисту Болтону).

Трамп на страницах книги выглядит то самодуром, то наивным дурачком, но неизменно эксцентричным. Рискнем предположить, что «глупость» и метания из стороны в сторону, которую Трамп по мнению Болтона проявляет в общении с В.В.Путиным, Си Цзиньпином или Ким Чен Ыном в действительности больше похожа на хорошо продуманную тактику ведения деловых переговоров, свойственную хорошему бизнесмену. Проще говоря — торг. Вообще, обращает на себя внимание, что к политическим процессам Трамп как правило подходит как к сделкам и описывает в соответствующей понятийной системе.

Возникает резонный вопрос — а нужно ли это копание в малозначимых деталях и мотивах, порожденных специфической заокеанской психологией российскому читателю? Но не стоит забывать, что вряд ли Трамп навсегда ушел с политической арены после объявления о его поражении на выборах в 2020 году. И уж тем более остается значимым фактором порожденный им трампизм. Поэтому дальнейшие его перспективы будут иметь значение не только для американцев — но и для всего мира, ставшего объектом американской внешней политики. А значит и для нас, как для традиционного противника США.

Остается сказать несколько слов о переводе. Оригинальное название — «The Room Where It Happened» (Комната, в которой это произошло) — является отсылкой к песне из популярного американского политического мюзикла «Гамильтон» «The Room Where It Happens» (Комната, в которой это происходит). Эта параллель может быть непонятна русскому читателю.

ГЛАВА 1. Долгий путь к угловому кабинету в Западном Крыле

Одним из преимуществ работы советником по национальной безопасности является огромное количество и объем проблем, с которыми вы сталкиваетесь. Если вы не любите суматоху, неопределенность и риск — и все это при постоянном перенасыщении информацией, принятием решений и огромным объемом работы, а также при неопишуемых международных и внутренних конфликтах личности и эго — попробуйте что-нибудь другое. Это волнующе, но почти невозможно объяснить посторонним, как части процесса стыкуются друг с другом и почему они часто не складываются в связный процесс.

Я не могу предложить всеобъемлющую теорию трансформации администрации Трампа, потому что ни одна из них невозможна. Однако общепринятая в Вашингтоне точка зрения на траекторию эволюции Трампа неверна. Эта общепринятая истина, привлекательная для интеллектуально ленивых, заключается в том, что Трамп всегда был со странностями, но поначалу, в первые пятнадцать месяцев своего президентства, неуверенный в своем новом месте и сдерживаемый “осью взрослых”, он не решался действовать. Однако с течением времени Трамп стал более уверенным в себе, ось взрослых теряла свои позиции, все развалилось, и Трампа окружали только люди типа «чего изволите».

Отчасти эта гипотеза верна, но общая картина упрощена. Ось взрослых во многих отношениях вызвала непреходящие проблемы не потому, что они успешно справились с Трампом, как говорят Возвышенные (подходящее описание, которое я взял у французов для тех, кто считает себя нашими моральными лидерами), а потому, что они поступили с точностью до наоборот. Они сделали недостаточно, чтобы навести порядок, и то, что они сделали, делалось с

настолько явными корыстными мотивами и настолько публично пренебрегало многими очень четкими целями Трампа (достойными или недостойными), что они подпитывали и без того подозрительное мышление Трампа, затрудняя для тех, кто пришел позже, законный политический обмен с президентом. Я давно понял, что роль советника по национальной безопасности заключалась в том, чтобы убедиться, что президент понимает, какие у него есть варианты для любого решения, которое ему нужно принять, а затем убедиться, что это решение было выполнено соответствующими бюрократическими органами. Стиль работы Совета национальной безопасности, несомненно, будет отличаться для разных президентов, но в любом случае, перечисленное являлось важнейшими целями, которых должен был достичь процесс.

Однако, поскольку «ось взрослых» так плохо послужила Трампу, он стал выискивать двойное дно в своем окружении, видеть заговоры за каждым камнем и в результате остался потрясающе невежественным о том, как управлять Белым домом, не говоря уже об огромном федеральном правительстве. «Ось взрослых» не несет полной ответственности за такое мышление. Трамп есть Трамп. Я понял, что он верил, что может управлять исполнительной властью и определять политику национальной безопасности, инстинктивно, полагаясь на личные отношения с иностранными лидерами и всегда ставя на первое место шоу, созданное для телевидения. Сейчас инстинкт, личные отношения и умение показать себя — это элементы репертуара любого президента. Но это далеко не все, даже с большой натяжкой. Анализ, планирование, интеллектуальная дисциплина и строгость, оценка результатов, коррекция курса и тому подобное стоят на пути принятия президентских решений, являясь неприглядной стороной работы. Показуха уводит вас далеко.

Таким образом, с институциональной точки зрения нельзя отрицать, что приход Трампа и первые год с лишним были безвозвратно испорчены. Процессы, которые

должны были немедленно стать второй натурой, особенно для многих советников Трампа, не имевших опыта работы даже на младших должностях в исполнительной власти, так и не произошли. Трамп и большая часть его команды никогда не читали «инструкции по управлению государством», возможно, не понимая, что это автоматически не сделает их членами «глубинного государства». Я вошел в существующий хаос, видя проблемы, которые могли быть решены в первые сто дней администрации, если не раньше. Постоянная текучесть кадров, очевидно, не помогла, как и укоренившийся в Белом Доме гоббсовский¹ принцип *bellum omnium contra omnes* («война всех против всех»). Возможно, это и преувеличение сказать, что описание Гоббсом человеческого существования как «одинокое, бедное, отвратительное, жестокое и короткое» точно описывает жизнь в Белом доме, но к концу срока их полномочий многие ключевые советники склонялись именно к этому. Как я уже объяснял в своей книге, «Капитуляция — не вариант», мой подход к выполнению задач в правительстве всегда заключался в том, чтобы как можно больше узнать о бюрократии, в которой я служил (Госдепартамент, Департамент юстиции, Агентство США по международному развитию), чтобы я мог легче достигать своих целей.

Моей целью было не получить карточку члена элитного клуба, а получить водительские права. Такое мышление не было распространено в Белом доме при Трампе. Во время первых посещений Западного крыла различия между этим президентством и предыдущими, в которых я работал, были ошеломляющими. То, как решался конкретный вопрос, часто имело мало общего с тем, что происходило завтра или послезавтра. Казалось, мало кто осознавал это, заботился об этом или был заинтересован в его исправлении. И не было никаких признаков улучшения этого поло-

¹ Томас Гоббс (1588 — 1679) — английский философ, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета (*Прим.ред.*)

жения, к каковому удручающему, но неизбежному выводу я пришел только после того, как присоединился к администрации.

* * *

Бывший сенатор от штата Невада Пол Лаксалт, мой наставник, любил говорить: “В политике не бывает безупречных концепций”. Это понимание убедительно объясняет назначения на очень высокие должности в исполнительной власти. Несмотря на частые реплики в прессе типа “Я был очень удивлен, когда президент Смит позвонил мне...”, такие выражения невинности всегда лишь случайно связаны с правдой. И никогда конкуренция за рабочие места высокого уровня не была более острой, чем во время “президентского транзита”, изобретения США, которое в последние десятилетия становится все более изощренным. Команды переходного периода предоставляют хорошие тематические исследования для выпускников бизнес-школ о том, как не надо заниматься бизнесом. Они приходят на строго определенный, мимолетный период от выборов до инаугурации, чтобы затем кануть в небытие навсегда. На них обрушиваются ураганы поступающей информации (и дезинформации!); сложный, часто противоречивый анализ стратегии и политики; множество важных кадровых решений для реального правительства; пристальное внимание и давление со стороны СМИ и заинтересованных групп.

Бесспорно, некоторые транзиты успешнее, чем другие. То, как они разворачиваются, многое говорит о будущей администрации. Транзит Ричарда Никсона в 1968-69 годах был первым примером современных транзитов, с тщательным анализом каждого крупного ведомства исполнительной власти. Транзит Рональда Рейгана в 1980-81 годах стал вехой в следовании принципу “Кадры — это политика”, сосредоточенный на выборе людей, которые будут придерживаться платформы Рейгана. Транзит Дональда Трампа в 2016-17 годах был... Ну, это был Дональд Трамп.

Я провел ночь выборов, 8-9 ноября 2016 года, в студии «Фокс Ньюс» на Манхэттене, ожидая возможности прокомментировать в эфире приоритеты внешней политики “следующего президента”, которые, как все ожидали, произойдут в десять вечера, сразу после объявления победы Хиллари Клинтон. Я, наконец, вышел в эфир около трех часов следующего утра. Так много времени для заблаговременного планирования, не только в «Фокс», но и в лагере избранного президента. Мало кто из наблюдателей верил, что Трамп победит, и, как и в случае с провальной кампанией Роберта Доула против Билла Клинтона в 1996 году, предвыборная подготовка Трампа была скромной, отражающей надвигающуюся гибель. По сравнению с операцией Хиллари, которая напоминала большую армию на марше, силы Трампа, казалось, состояла из всего из нескольких сильных душ, у которых зато было время. Таким образом, его кампания была не готова к неожиданной победе, что привело к немедленным столкновениям с волонтерами переходного транзита и списанию почти всей предвыборной продукции. Начинать все сначала 9 ноября было вряд ли благоприятно, особенно с учетом того, что основная часть переходного персонала находится в Вашингтоне, а Трамп и его ближайшие помощники работали в Башне Трампа на Манхэттене. До победы Трамп вообще не понимал многого из того, что делал огромный федеральный бегемот, и он мало прибавил знаний (если вообще прибавил) за время транзита, что не предвещало ничего хорошего для его работы на посту.

Я сыграл незначительную роль в кампании Трампа, за исключением одной встречи с кандидатом в пятницу утром, 23 сентября, в Башне Трампа, за три дня до его первых дебатов с Клинтон. Хиллари и Билл учились на год раньше меня в юридической школе в Йеле, поэтому, в дополнение к обсуждению национальной безопасности, я предложил Трампу свои мысли о тактике выступления Хиллари: она будет хорошо подготовленной и продуманной, следуя заранее заготовленному плану, несмотря ни на что. Она не

изменилась за сорок с лишним лет. Трамп тоже был таким же, как и на нашей первой встрече в 2014 году, до выдвижения своей кандидатуры. Когда мы закончили, он сказал:

— Вы знаете, ваши взгляды и мои на самом деле очень близки. Очень близки.

На тот момент я был широко вовлечен в самую разнообразную деятельность: старший научный сотрудник Американского института предпринимательства, корреспондент «Фокс Ньюс», постоянный участник выступлений, юрисконсульт крупной юридической фирмы, член корпоративных советов, старший советник глобальной частной инвестиционной компании, и автор еженедельных колонок. В конце 2013 года я сформировал комитет и суперкомитет политической активности для помощи кандидатам на выборах в Палату представителей и Сенат, которые верили в сильную политику национальной безопасности США, распределяя сотни тысяч долларов непосредственно кандидатам и тратя миллионы на независимые расходы в кампаниях 2014 и 2016 годов, и готовился сделать это снова в 2018 году. У меня было полно дел. Но я также служил в последних трех Республиканских администрациях, а международные отношения интересовали меня еще со времен учебы в Йельском университете. Я был готов снова вступить в игру.

Новые угрозы и новые возможности стремительно надвигались на нас, и восемь лет правления Барака Обамы означали, что многое нужно исправлять. Я долго и упорно думал о национальной безопасности Америки в бурном мире: Россия и Китай на стратегическом уровне; Иран, Северная Корея и другие страны-изгои, претендовавшие на обладание ядерным оружием, нарастающие угрозы радикального исламистского терроризма на беспокойном Ближнем Востоке (Сирия, Ливан, Ирак и Йемен), ситуация в Афганистане и за его пределами; и угрозы в нашем собственном полушарии, такие как Куба, Венесуэла и Никарагуа. Хотя во внешней политике ярлыки могут быть полезны только для интеллектуально ленивых, мне нравилось

говорить, что моя позиция “проамериканская”. Я следовал Адаму Смиту¹ в экономике, Эдмунду Берку² в общественной жизни, «Запискам федералиста»³ в вопросах о значении правительстве и синтезу взглядов Дина Ачесона⁴ и Джона Фостера Даллеса⁵ на вопросы национальной безопасности. Моя первая политическая кампания состоялась в 1964 году от имени Барри Голдуотера⁶.

По совместной работе в прошлом я был знаком с высокопоставленными участникам предвыборного штаба Трампа, такими как Стив Бэннон, Дэйв Босси и Келлиэнн Конвей, и в разговорах с ними заходила речь о том, что мне могло бы найтись место в администрации Трампа. Как только начался период транзита, я счел разумным предложить свои услуги в качестве государственного секретаря, как это сделали другие. Когда Крис Уоллес вышел со съемочной площадки «Фокс» рано утром 9 ноября, после объявления результатов гонки, он пожал мне руку и сказал, широко улыбаясь: “Поздравляю, господин госсекретарь”. Конечно, не было недостатка в претендентах на пост главы Госдепартамента, что породило бесконечные спекуляции в СМИ: сперва наиболее вероятным кандидатом был Ньюта Гингрич, затем Руди Джулиани, Митт Ромни и снова Руди. Я работал с каждым из них, уважал их, и каждый по-своему заслу-

¹ Адам Смит (1723 — 1790) — шотландский экономист и философ-этик, один из основоположников экономической теории как науки. Считается основателем классической политэкономии. (прим.ред.)

² Эдмунд Берк (1729 — 1797) — публицист эпохи Просвещения, родоначальник идеологии консерватизма. Был членом Палаты общин британского парламента в 1766 — 1794 годах (прим.ред.)

³ Записки федералиста (1787 — 1788) — сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США (прим.ред.)

⁴ Дин Ачесон (1893 — 1971) — Госсекретарь США в 1949 — 1953 годах (прим.ред.)

⁵ Джон Фостер Даллес (1888 — 1959) — Госсекретарь США в 1953 — 1959 годах (прим.ред.)

⁶ Барри Голдуотер (1909 — 1998) — ультраправый политик, выдвигавшийся в кандидат в президенты от Республиканской партии на праймериз 1964 года (прим.ред.)

живал доверия. Я уделяю этому особое внимание, потому что в то время шла постоянная болтовня (и даже давление на меня), что я должен удовлетвориться должностью заместителя Госсекретаря, что меня никак не устраивало. То, что произошло дальше, продемонстрировало трамповский стиль принятия решений Трампом и дало (или должно было дать) поучительный урок.

В то время как все ранние “главные претенденты” придерживались в целом консервативной идеологии, они несли с собой разное прошлое, разные взгляды, разные стили, разные плюсы и минусы. Были ли среди этих вариантов (и других, таких как сенатор от Теннесси Боб Коркер и бывший губернатор Юты Джон Хантсман) общие, последовательные качества и достижения, к которым стремился Трамп? Очевидно, что нет, и наблюдатели должны были спросить: каков реальный принцип, управляющий процессом отбора персонала Трампом? Почему бы не назначить Джулиани генеральным прокурором, для чего он как будто был создан? Или назначить Ромни, который доказал свои неоспоримые способности к стратегическому планированию и управленческие навыки, главой администрации Белого дома? И сделать Гингрича, с его десятилетиями творческого теоретизирования, царем внутренней политики Белого дома?

Искал ли Трамп только людей из “центрального кастинга”? Много говорилось о его предполагаемой неприязни к моим усам. Как бы то ни было, он сказал мне, что это никогда не было фактором, отметив, что у его отца тоже были усы. Кроме психиатров и тех, кто глубоко интересуется Зигмундом Фрейдом, к которым я, безусловно, не отношусь, я действительно не верю, что моя внешность сыграла роль в мышлении Трампа. Но если дело действительно в усах — Боже, помоги стране. Привлекательные женщины, однако, попадают в другую категорию, когда речь заходит о Трампе. Лояльность была ключевым фактором, который Джулиани доказал вне всяких сомнений в течение нескольких дней после того, как лента «Аццесс Голивуд» стала достоя-

нием общественности в начале октября. Как сообщается, Линдон Джонсон однажды сказал о своем помощнике: “Я хочу настоящей преданности. Я хочу, чтобы он поцеловал меня в задницу в полдень и сказал мне, что она пахнет розами”. Кто бы мог подумать, что Трамп так много читал об истории? Позже Джулиани был чрезвычайно любезен со мной и после того, как он вышел из схватки за кресло госсекретарем он говорил: “Я бы выбрал Джона. Я думаю, что Джон потрясающий”.

Избранный президент позвонил мне 17 ноября, и я поздравил его с победой. Он рассказал о своих недавних разговорах с Владимиром Путиным и Си Цзиньпином и выразил надежду на встречу во второй половине дня с премьер-министром Японии Синдзо Абэ.

— Мы пригласим вас сюда в ближайшие пару дней, — пообещал Трамп, — и мы рассчитываем на вас в ряде ситуаций.

Некоторые из первых кадровых решений появились на следующий день, когда генеральным прокурором был назначен Джефф Сешнс (вычеркиваем Джулиани), советником по национальной безопасности — Майк Флинн (вознаграждая его неустанную службу во время предвыборной кампании) и директором ЦРУ — Майк Помпео. (Через несколько недель после объявления о назначении Флинна Генри Киссинджер сказал мне, что он уйдет в отставку в течение года. Хотя он не мог знать, что должно было произойти, Киссинджер отчетливо видел, что Флинн оказался не на своем месте). Шли дни, все больше членов Кабинета и высокопоставленных чиновников Белого дома появлялись публично, в том числе 23 ноября губернатор Южной Каролины Никки Хейли в качестве посла в ООН в ранге члена Кабинета — странный шаг, учитывая, что даже сам госсекретарь еще не был выбран. У Хейли не было квалификации для этой работы, но для человека с президентскими амбициями было идеально поставить галочку в графе “внешняя политика” в своем предвыборном резюме. В ранге члена кабинета или нет, посол в ООН был частью госу-

дарства, и последовательную внешнюю политику США может иметь только госсекретарь. Вот вам и Трамп, который выбирал подчиненных для формирования государственного микрокосма, даже не имея на примете госсекретаря. По определению, впереди были проблемы, особенно когда я услышал от сотрудника Хейли, что ее-то Трамп и считал госсекретарем. Хейли, по словам ее сотрудника, отклонила предложение из-за отсутствия опыта, который она, очевидно, надеялась приобрести в качестве посла в ООН.

Джаред Кушнер, с которым Пол Манафорт познакомил меня во время предвыборной кампании, позвонил мне на День благодарения. Он заверил меня, что я “все еще очень востребован” на пост госсекретаря, и “в целом ряде различных контекстов. Дональд — ваш большой поклонник, как и все мы”. Тем временем «Нью-Йорк Пост» сообщила о принятии решений в Ма-р-а-Лаго на День благодарения, цитируя один источник: “Дональд ходил и спрашивал всех, кого мог, о том, кто должен быть его госсекретарем. Было много критики в адрес Ромни, и многим людям нравился Руди. Есть также много людей, выступающих за Джона Болтона”. Я знал, что должен был усерднее работать в начальной школе Мар-а-Лаго! Конечно, я был благодарен за значительную поддержку, которую я имел среди про-израильски настроенных американцев (как евреев, так и евангелистов), сторонников второй поправки, американцев кубинского происхождения, венесуэльцев, тайваньцев и консерваторов в целом. Многие люди звонили Трампу и его советникам от моего имени, в рамках почтенного процесса лоббирования транзита.

Разраставшийся транзитный бардак все больше отражал не только организационные неудачи, но и основной стиль принятия решений Трампом. Чарльз Краутхаммер, его резкий критик, сказал мне, что ранее он ошибался, характеризуя поведение Трампа как поведение одиннадцатилетнего мальчика.

— Я прибавил ему десять лет, — заметил Краутхаммер — Он как годовалый ребенок. Все рассматривается через призму того, приносит ли это пользу Дональду Трампу.

Именно так процесс подбора персонала выглядел со стороны. Как сказал мне один республиканский стратег, лучший способ стать госсекретарем — “попытаться остаться последним, кто останется в списке”.

Избранный вице-президент Пенс позвонил мне 29 ноября, чтобы попросить о встрече в Вашингтоне на следующий день. Я знал Пенса по его работе в Комитете Палаты представителей по иностранным делам. Он был твердым сторонником сильной политики национальной безопасности. Мы легко поговорили о ряде вопросов внешней и оборонной политики, но я был поражен, когда он сказал о Госдепартаменте: “Я бы не назвал это решение неизбежным”. Учитывая последующие сообщения прессы о том, что Джулиани снял свою кандидатуру на пост госсекретаря примерно в то время, возможно, весь процесс отбора на госдепартамент нужно было начинать сначала. Почти наверняка беспрецедентное развитие событий, так далеко зашедшее за время транзита.

Когда я прибыл в офис транзитной команды на следующий день, член палаты представителей Джеб Хенсарлинг уходил после встречи с Пенсом. Сообщалось, что Хенсарлинг был настолько уверен в том, что ему достанется пост главы казначейства, что уже дал своим сотрудникам указание начать планирование. То, что его не назвали, совпало с открытием члена палаты представителей Кэти Мак Моррис Роджерс о том, что министром внутренних дел будет не она (после того, как ей пообещали этот пост), а также с тем, что бывший сенатор Скотт Браун узнал, что он не станет министром по делам ветеранов. Картина была ясной. У нас с Пенсом состоялась дружеская получасовая беседа, в ходе которой я процитировал (как неоднократно цитировал Трампу), знаменитое высказывание Ачесона, когда его спросили, почему у него и президента Трумэна были такие превосходные рабочие отношения: “Я никогда не забывал, кто был президентом, а кто госсекретарем. И он тоже.”

Трамп объявил Джима Мэттиса министром обороны 1 декабря, но неопределенность в отношении Госдепарта-

мента продолжалась. На следующий день я прибыл в Башню Трампа на собеседование и ждал в вестибюле, где также ждали генеральный прокурор штата и сенатор США. К сожалению, избранный президент отставал от графика. Наконец из его кабинета вышел никто иной как бывший министр обороны Боб Гейтс. Позже я предположил, что Гейтс лоббировал кандидатуру Рекса Тиллерсона на пост министра энергетики или госсекретаря, но тогда он не проронил ни слова о цели своего визита — мы просто обменялись любезностями, когда он уходил. Итак, я вошел в кабинет Трампа на встречу, длившуюся чуть более часа, на которой также присутствовал Рейнс Прибус (вскоре станет начальником персонала Белого дома) и Бэннон (будущий главный стратег администрации). Мы говорили о горячих точках мира, более широких стратегических угрозах, таких как Россия и Китай, терроризм и распространение ядерного оружия. Я опять начал с байки о Дине Ачесоне, а затем, в отличие от моих предыдущих встреч с Трампом, больше отвечал на вопросы других. Я думал, что Трамп внимательно слушал: он не отвлекался на телефон и нас не прерывали, пока не вошла Иванка Трамп, чтобы обсудить семейные дела или, возможно, попытаться вернуть Трампа к расписанию.

Я описывал, почему госдепартаменту нужна культурная революция, чтобы стать эффективным инструментом политики, когда Трамп спросил:

— Сейчас мы обсуждаем здесь должность госсекретаря, но не могли бы вы рассмотреть должность заместителя?

Я сказал, что не буду, объяснив, что госдепартаментом нельзя успешно управлять с такого уровня. Более того, мне было бы неловко работать на человека, который будет знать, что я был его соперником в борьбе за должность, и который мог постоянно задаваться вопросом, нужен ли ему дегустатор. Когда встреча закончилась, Трамп пожал мне руку обоими руками и сказал: “Я уверен, что мы сработаемся”.